

Математик Могильницкий написал книгу о музыканте Рихтере

Источник: Челябинский рабочий (19-04-2000), <http://archive.li/7aIaf#selection-248.0-248.1>

Издательство "Урал LTD" выпустило в свет очередную книгу из серии "Иллюстрированные биографии великих музыкантов". Книга посвящена творчеству Святослава Рихтера, ее автор - доцент кафедры математического анализа ЮУрГУ Вадим Могильницкий.

Пытаясь договориться о встрече, я долго звонила Вадиму Анатольевичу на кафедру. Дергала его коллег, извинялась, оставляла записки, потом набралась нахальства и попросила номер его домашнего телефона. Мне сказали, что у Могильницкого нет домашнего телефона. Только на кафедре. Когда мы, наконец, встретились, я спросила его, почему он не поставит себе домашний телефон.

- Одно время я его добивался, стоял в очереди, а потом жизнь изменилась, и я обнаружил, что он мне не нужен, - сказал В.А. Могильницкий. - Рихтер тоже не любил телефона. Он выбивает из колеи и перечеркивает планы.

Впрочем, о телефоне мы заговорили чуть позже. А сначала я спросила Вадима Анатольевича о том, как получилось, что он написал книгу именно о Рихтере. Вопрос ему не понравился.

- Если хотите написать статью, пишите о книге, а не обо мне, - сказал он.

- Но автор книги - вы.

Он подумал минуту - возможно, о том, что отсутствие домашнего телефона уже не спасает от разрушительного воздействия окружающей среды. И стал говорить:

- Наверное, мне не по чину произносить такие вещи, но предназначение искусства лучше всего выражено словами Дебюсси о пьесе Мусоргского "Детская": "Никто до Мусоргского не обращался к лучшему, что есть в нас, с такой невероятной нежностью и чистотой". Музыка вызывает к лучшему, что есть в человеке, и в этом ее надмузыкальное назначение. Рихтер всю свою жизнь занимался именно этим - без малейшей саморекламы, афиширования, скромнейшим и аскетичнейшим образом обращался к лучшему, что есть в людях, и тем самым привнес в этот мир весьма значительное количество добра и света. Рихтер - целая эпоха. Конечно, я не сразу понял это. Сначала у меня был период увлечения популярной классической музыкой. Сейчас к ней относятся с пренебрежением, а на самом деле она прекрасна - и "Танец маленьких лебедей", и Первый концерт Чайковского, который нынче называют китчем. Я слушал арии Ленского, Сусанина, балетную музыку Чайковского, потом более абстрактную фортепьянную музыку. Рихтеровской темой занялся позднее и даже писал "в стол" заметки о его творчестве. Потом судьба свела меня с редактором издательства "Урал LTD" Игорем Семеновичем Розиным, который попросил у меня небольшой музыкальной консультации. Мы встретились, я увидел на полке Рильке, Дебюсси, Новалиса и сказал почти в шутку, что у меня тоже есть своя книга - о Рихтере. Руководители издательства прочитали мои размышления о великом музыканте и предложили мне переработать их в биографию. За два года я ее написал.

- Я слышала, что это первая русскоязычная книга о Рихтере?

- Это не так. Первая в сотню страниц вышла в 60-х годах. Вторую написала В.Н. Чемберджи на материалах знаменитого транссибирского турне Рихтера 1986 года, когда он проехал всю Россию от Ленинграда и Пскова до Хабаровска с заездом в Европу и Японию. Это был уникальный музыкант, выступления которого во всем мире воспринимались как праздник. Критики писали о демоничной виртуозности, глубине, одухотворенности, беспредельной мощи его пианизма. При этом казалось, что играет и трудится на клавишах не он, Святослав

Рихтер, а музыка льется сама по себе, причем в тех оттенках и нюансах, какие были заказаны автором. С течением лет он как-то незаметно освободился от подчинения системе мирового музыкально-исполнительского конвейера и при всей своей колоссальной востребованности за рубежом оставался "одиноким путником", существуя абсолютно автономно и независимо.

Он очень ценил творческую свободу, хотя никогда не делал из нее культа.

- Ваша - третья в истории отечественного музыковедения - книга о Рихтере показалась мне настолько удачной, что у меня возник крамольный вопрос: что для вас важнее - ваша математика или ваша книга?

- Математика - моя специальность. Этим я занимался всю жизнь, сначала в школе, потом в университете. А книга. Примерно как в ситуации - законная жена и любовница.

- Бывает, что любовницу любят больше, чем жену.

- Бывает, что и жену любят. Одно другому не мешает.

- То есть вы не собираетесь расставаться с математикой во имя литературного труда?

- Да. Это параллельно.

- А чем вообще отличается сознание гуманитария от сознания технаря?

- Я не признаю этого деления на физиков и лириков. Думаю, что лучшие лирики - это физики. Эйнштейн играл на скрипке, Гейзенберг, один из выдающихся физиков XX века, профессионально владел фортепиано, великий математик Колмогоров был меломаном и собрал огромную фонотеку. Этот список можно продолжать.

- Чем, по-вашему, это объясняется?

- Музыка - очень упорядоченное искусство, а идея упорядоченности лежит в основе всей созидательной деятельности человека. Есть так называемый парадокс шаров. Чтобы положить их, придав хотя бы относительную симметрию, надо совершить упорядочивающее действие, а для того, чтобы разрушить, достаточно произвольного движения. Наука и искусство, несмотря на разность целей, тоже упорядочивают жизнь, удаляют от энтропии, хаоса. Ницше, кажется, сказал: "Человек - такое несчастное существо, что выдумал смех".

Примерно то же можно сказать и об искусстве. Не будь его, наша жизнь была бы неизмеримо более мрачной.

- Как вы работали над книгой, где собирали материал?

- Никакого подвига за этим нет. Просто было интересно. Конечно, много слушал музыку, читал, занимался в публичной библиотеке, но когда был студентом, занимался значительно больше. У меня дома тоже есть скромная музыкальная библиотека, а фонотеку я собираю на протяжении вот уже 30 лет.

- Доводилось ли вам слушать Рихтера при его жизни или общаться с ним?

- Только слушать. Это было несколько раз в Москве, Челябинске, на Украине. Примечательно, что тогда у меня не было впечатления чего-то потрясающего, и потом я много думал об этом. Наверное, я был еще не готов к встрече с его искусством. Я больше думал о вещах отстраненных, формальных. Например, о том, что он не похож на других музыкантов, потому что не общается с публикой. Это желание уйти в тень чувствовалось даже в его творческой манере: играя Шуберта или Прокофьева, он полностью самоустраивался, чтобы люди могли слышать именно Шуберта или Прокофьева. А не Рихтера. Он был подлинным слугой музыки, Кнехтом из романа Гессе. Отвергая "культ исполнительской личности", он возвращает нам первичный дар ее понимания.

- Вы написала прекрасную книгу, не будучи ни музыковедом, ни литератором. Рихтер,

которого Ю.Башмет назвал самым великим музыкантом XX века, никогда не учился в музыкальной школе. Как после этого относиться к профессионализму?

- Рихтер не только не учился в музыкальной школе, но даже не сдал ни одного экзамена в консерватории. Диплом о ее окончании ему вручили то ли после десятого, то ли после двенадцатого концерта, который он дал в битком набитом зале. И даже если бы не вручили никакого диплома, это было бы неважно. Есть понятие Господнего предназначения. Рихтеру было предназначено стать великим музыкантом, так же как Мандельштаму - великим поэтом, Пикассо - художником, а Сахарову - великим физиком, хотя он предпочел положить жизнь за наши никчемные души. Но это касается только великих. Поэтому в необходимости профессионализма вы сомневаетесь зря. Его не бывает слишком много. Считаю, что некоторый дополнительный профессионализм не повредил бы и мне. Я не жалею, что стал математиком, а не музыкантом, но сожалею о том, что, например, не умею читать партитуру. Ведь в своей книге я об этом пишу.

Если человек любит поэзию, то ему совсем не вредно уметь отличить анапест от хорей, балладу от сонета.

- Если представить виды искусства в виде иерархической лестницы, на какую ступень вы бы поставили музыку?

- На первую. Потом поэзия. Вообще должен быть синтез. Люди XX века пресытились анализом. Мы постоянно и скрупулезно анализируем, рассуждая о Кафке, Гессе, Пелевине, масс-культуре, поп-культуре. А синтеза, то есть осмысливающего жизнь начала, нет. Рихтер говорил: "Терпеть не могу двух вещей - навязывания своей воли и анализа". Эти слова во многом изменили мое сознание. Вообще я думаю, что мое нравственное взросление и внутренние перемены происходили в основном благодаря музыке. Помню, что вдруг стал отмечать эмоциональность и искренность музыки Рахманинова, которая раньше казалась мне абракадаброй, и сравнивать ее с более головной музыкой XX века.

- В книге о Рихтере вы пишете о таком эпизоде. Однажды, играя по просьбе хозяйки гостиницы ноктюрн фа-диез мажор Шопена, Святослав Теофилович вспомнил о том, что эту вещь его всегда просила сыграть мать, но почему-то он не выполнял ее просьбу. А тут вдруг внял уговорам чужого человека. И в этот момент он вспоминает, что на дворе 10 декабря - день рождения его покойной матери. Можно ли объяснить такие совпадения с позиций точной науки?

- Я не знаю, чем можно объяснить подобные мистические совпадения, но, думаю, в жизни каждого человека их немало. Хорошо помню, как долго звучала у меня в голове 15-я прелюдия Шопена. Он написал ее на Майорке, в монастыре, во время недолгой разлуки с Жорж Санд. Там есть кусочек, о котором Альфред Корто говорит: "Но смерть там, в тени". Так вот, эта тема долго звучала у меня в голове, как наваждение, и вдруг - телефильм с участием Рихтера, кстати, очень хороший, в зале Плятт, Козловский, Уланова, первая же заставка - и звучит 15-я прелюдия Шопена. В другой раз у меня был период увлечения Шубертом. Я слушал его симфонию N 7, его "Зимний путь" и подумалось: вот бы Рихтер сыграл эту музыку! И вот телетрансляция "Декабрьских вечеров", Рихтер аккомпанирует немецкому тенору Шрейеру.

Звучит "Зимний путь".

Святослав Рихтер был не просто человеком. Через его сознание исходила стихия искусства, а у этой стихии свои законы, которые не всегда дано понять простому смертному. Надо только благодарить жизнь за то, что она подарила нам возможность соприкоснуться с великим талантом.

Вадим Анатольевич вышел меня проводить, чтобы я не заблудилась в лабиринтах перманентно ремонтируемых коридоров и лестничных пролетов ЮУрГУ. Я сказала, что на

одном из поздних портретов Рихтер больше похож на борца или мыслителя, чем на музыканта, - с мощной головой, сильно развитой нижней челюстью...

Могильницкий внимательно выслушал меня и сказал:

- Если помните, у Чехова есть ранняя вещь "Драма на охоте". Рихтер очень походил на ее главного героя, был сильным и одновременно очень легким, пластичным.

Придя домой, я открыла Чехова и прочла следующие строки: "Он был высок, широкоплеч и плотен, как хорошая рабочая лошадь. Все тело его дышит здоровой силой. Лицо розовое, руки велики, грудь широкая. Его большое мускулистое лицо осталось навсегда в моей памяти. На этом лице вы увидите настоящий греческий нос с горбинкой, тонкие губы и хорошие голубые глаза, в которых светятся доброта и еще что-то. Это "что-то" можно подметить в глазах маленьких животных, когда они тоскуют или когда им больно. Что-то умоляющее, детское, безропотно терпящее".

Говорят, что это описание считается наиболее точным словесным портретом Рихтера.

Лидия ПАНФИЛОВА.

Источник газета «Челябинский рабочий»